КЛУБ КНИГОЛЮБОВ

ВЛАДИМИР, или ПРЕРВАННЫЙ ПОЛЕТ

В октябре в парижском издательстве «Файяр» вышла в свет книга французской актрисы Марины Влади — «Владимир, или Прерванный полет». Книга посвящена замечательному поэту и актеру, лауреату Государственной премии СССР Владимиру Высоцкому. Она состоит из небольших главок, рассказывающих о спектаклях и концертах, о творческих муках и незабываемых встречах. Словом — о тех двенадцати годах, которые Марина Влади прожила рядом с Высоцким. Действие книги происходит в Москве и Париже, Нью-Йорке и Ленинграде, Будапеште и Мюнхене, Монте-Карло и Мадриде, Одессе и Лос-Анджелесе, Тбилиси и Варшаве, в Мексике и в Югославии, в Италии и на Таити... На ее страницах появляются Н. С. Хрущев и Л. И. Брежнев, академик Петр Капица и Святослав Рихтер, Андрей Тарковский и Булат Окуджава, Белла Ахмадулина и Иосиф Бродский, Питер Брук и Симона Синьоре — все те, с кем довелось встретиться Владимиру Высоцкому, кто так или иначе повлиял на его судьбу. Сегодня мы предлагаем читателям сокращенный перевод некоторых глав из книги.

Недели бегут очень быстро. Я спрашиваю себя: что происходит в моем сердце, почему ничто не радует меня? Телефонный звонок отрывает от грустных мыслей. На другом конце провода — ты. Я слышу твой теплый голос, русский язык, напоминающий моего любимого отца, твои простые слова. От всего этого у меня перехватывает дыхание. Повесив трубку, я не могу сдержать рыданий. Глядя на меня, мама говорит: «Ты влюбилась, дочка». Я пытаюсь найти другое объяснение: много работы, накопилась усталость. Но истинная причина не в этом: в глубине души я мечтаю снова увидеть тебя...

Наша встреча произошла не сразу после моего приезда в Москву. Мне сообщили, что ты работаешь в Сибири и вернешься только через два месяца...

И вот в один прекрасный день ты поможешь матери, представляешься. А потом, как безумный, сжимаешь меня в объятиях. Мы не можем скрыть волнения. Мама шепчет мне: «Какой хороший мальчик. У него красивое имя».

Когда мы остаемся одни, ты говоришь, что эти месяцы показались тебе вечностью. Ты рассказываешь, что, как и все в Советском Союзе, видел фильм «Колдунья» и еще в 65-м году, когда я была в жюри на Московском фестивале, тщетно пытался встретиться со мной. Что по нескольку раз в день ходил смотреть хронику, чтобы увидеть меня на экране. Короче, что все эти годы ты влюблен, но не мог даже представить себе, что когда-нибудь увидишь меня так близко...

— В любом случае теперь я знаю, что однажды ты станешь моей женой.

Мы редко расстаемся. Я хожу с тобой в театр, на концерты, организованные как встречи актеров с публикой, на которых ты поешь свои новые песни. Твой успех все больше интригует меня. Публика не хочет отпускать тебя со сцены. У твоих ног растут горы записок, авторы которых просят исполнить ту или иную песню. Каждый вечер мы уносим с собой охапки цветов.

Однажды мы гуляем по центру Москвы. Очень жарко, во всех домах распахнуты окна. И из каждой квартиры доносятся твои песни. Мне трудно в это поверить, но нет никакого сомнения: я узнаю и твой хриплый голос, и твою неподражаемую манеру. Это ты! Я вижу, как расцветает твоя улыбка, ты горд и восхищен тем, что я смогла стать свидетелем твоей популярности.

* * *

По пути во дворец бракосочетания шофер такси то и дело поворачивается к нам, чтобы еще раз поздравить и сказать, что сегодня самый прекрасный день в его жизни. Когда он поворачивается в очередной раз, такси лишь чудом не сталкивается со встречным автомобилем. Я кричу. Шофер резко бросает машину в сторону, и это спасает нас...

Молодой человек, встречающий нас у входа, весь взмок. И неудивительно: во дворце нестерпимая жара. Мы скидываем пальто, шапки, шарфы.

Нас ведут по запутанному лабиринту коридоров. У двери кабинета, где должна проходить церемония, уже стоят свидетели — московский корреспондент газеты «Юманите» Макс Леон и Сева Абдулов. Дверь закрыта. Слышно, как вдалеке играют свадебный марш, звучат аплодисменты, смех.

Дверь распахивается. Бледный и накрахмаленный работник дворца подает нам знак. Для него этот день ничем не отличается от тысячи других. Он потерялся в этой нескончаемой веренице свадебных церемоний. Не проявляя никаких эмоций, он проводит нас в кабинет с золоченными стенами и красными коврами.

И вот мы садимся перед столом. На фотографии, которую делает Макс, у нас вид двух прилежных студентов, которые слушают важную лекцию. Правда, ты устроился на ручке кресла, и лица у нас уж очень лукавые...

Я ставлю свою подпись. Через несколько секунд все окончено. Под звуки торжественного марша мы выходим из дворца, смешиваясь с невестами в праздничных белых платьях. Свидетельство о браке, зажатое в твоей поднятой руке, высоко плывет над толпой. Отныне мы муж и жена.

* * *

Свадьбу празднуем в древнем Тбилиси. Наш друг-скульптор организовал настоящий пир. В комнате вокруг длинного стола суетятся женщины в черном. На серебряных блюдах подносят деликатесы грузинской кухни — лобио, сациви, маринованный чеснок, пряности, шашлыки, приготовленные прямо во дворе. Мы сидим во главе стола, оба в белом, держа друг друга за руки.

Тамада произносит тост:

— Пусть ваш гроб будет сделан из досок того дуба, который мы сажаем сегодня — в день вашей свадьбы.

Каждому в небольшой рог наливают вино. Бокалы из старинного хрусталя предназначаются только для воды. Рог нельзя поставить, поэтому его надо выпить до дна. Но ты лишь притрагиваешься губами к вину, после чего протягиваешь рог человеку, стоящему за твоей спиной...

Второй тост: «Пусть ваши родители даже на черном рынке не смогут достать билеты на ваши спектакли».

Приносят рог побольше. Я пытаюсь осушить его, но не могу и, в свою очередь, передаю назад недопитое вино.

Вечер уже подходит к концу, когда ты неловким движением опрокидываешь часть раздвижного стола — дорогая посуда падает и разбивается вдребезги. Мы в ужасе. Как бы отвечая на наши смущенные извинения, хозяин проводит рукой по столу, смахивая все, что стоит перед ним.

Тамада говорит:

— Тем лучше, можно начать сначала...

Праздник продолжается. И крик первых петухов, возвещающих о восходе солнца, застает нас еще за столом...

* * *

В Москву, на очередной фестиваль, приехали три мои сестры. Они видели тебя только мельком, в первый день. И вот в этот вечер в доме у нашей хорошей знакомой — вдовы актера Абдулова — вы должны по-настоящему познакомиться.

После полудня все делегации собираются около гостиницы «Москва», откуда на автобусах их повезут на большой официальный прием. Держась за руки, мы подходим к гостинице. Я представляю тебя своим французским, итальянским друзьям и японцу, с которым работала в Токио несколько лет назад. Подходит моя очередь, и я вхожу в автобус. Ты идешь следом за мной. Едва успев сесть, я слышу крики. Вскочив, вижу, как тип, проверяющий пропуска на входе, грубо выталкивает тебя из автобуса. Я бросаюсь к нему, пытаясь что-то объяснить, но твой взгляд меня останавливает. Безнадежным жестом ты показываешь мне, что все бесполезно. Двери закрываются, автобус трогается. Я вижу в окно, как ты стоишь на тротуаре, оскорбленный маленький человек. В ярости ты поддаешь ногой свои гостевые карточки, и они рассыпаются по земле...

Исполнив долг вежливости, я ухожу с приема. Друзья уже знают о скандале в автобусе. Все утешают меня, уговаривают не придавать большого значения этому инциденту. Но ты не приходишь, и я предчувствую неладное.

Около часа ночи ты открываешь дверь, делаешь несколько неуверенных шагов и, безмятежно улыбаясь, опускаешься на диван. Ты мертвецки пьян. Тем не менее праздник продолжается. Возобновляется беседа. Мои сестры с восхищением вдыхают атмосферу московских вечеринок. Музыка, смех...

Через некоторое время, проходя мимо ванной комнаты, я слышу стоны. То, что я вижу, приводит меня в ужас: ты нагнулся над раковиной, из твоего горла хлещет кровь, все кругом забрызгано ею. Мы зовем врача. Он рекомендует полный покой и несколько капель успокоительного. Но спазмы начинаются снова. Ты больше не в силах говорить. Полузакрытые глаза как будто взывают о помощи. Пульса почти нет. Меня охватывает паника. Я умоляю срочно вызвать «скорую». Приехавшие врачи осматривают тебя. Их диагноз прост и суров: везти больницу невозможно, очень велик риск, слишком поздно. Они не хотят, чтобы ты умер в машине. Тогда, встав у дверях, я начинаю кричать, что если я немедленно не отвезут в больницу, я устрою международный скандал. Они понимают наконец, что умирающий Высоцкий. После короткого совещания, боясь, они выносят тебя. Несмотря на мои возражения, я сажусь в машину. Где придает мне силы...

Три часа утра. В больничном коридоре пахнет эфиром. Заглядывая в щель, я словно прирастаю к двери. Угол моего обзора ограничен: видна лишь небольшая часть реанимационного зала. Суетятся люди в стерильной светло-зеленой одежде. Значит, они борются за тебя. Значит, еще не все потеряно...

Нескончаемый день прошел. Поздно вечером один из врачей просит меня подойти:

— Было очень тяжело. Он потерял слишком много крови. Если бы вы привезли его на несколько минут позже, он бы умер.

Я узнаю, что в горле порвался сосуд, что тебе больше нельзя пить, что нужен длительный отдых. Врачи говорят, как они счастливы, что им удалось спасти тебя.

Фото В. Петербжского.

Игорек, Вера, Вадим, Иван и Георгий, которые боролись за твою жизнь этой ужасной ночью, останутся верными тебе до последнего дня.

* * *

Мы едим на кухне. По отсутствующему взгляду, безразличию, с которым ты глотаешь все, что лежит на тарелке, по расплывчатым ответам я догадываюсь, что мысли твои далеко отсюда. Строфы кружатся в твоей голове. Иногда прямо посреди обеда ты вдруг бросаешься к письменному столу. Мне можно смело убирать посуду — ты больше не будешь есть. Я завариваю очень крепкий чай, бесшумно ставлю перед тобой чашку и закрываю дверь.

Ты продолжаешь неподвижно сидеть в течение нескольких часов, твой взгляд прикован к белой стене. Ты не выносишь никаких рисунков, картин, даже теней на стене, перед которой сидишь. Твой письменный стол стоит в углу, в закутке, отгороженном шкафом или этажеркой. Ты всегда садишься спиной к окну, а перед тобой обязательно должна быть гладкая, белая пустая поверхность.

Сутки слишком коротки для тебя. По три-четыре часа ты проводишь за письменным столом. Главным образом — ночью. Когда у нас была одна комната, я засыпала рядом с тобой на кровати. Позже, уже в нашей большой квартире, я устраиваюсь на диване в твоем кабинете. В ночной тишине ты будишь меня, ласково касаясь моего лица. Хриплым от выкуренных сигарет голосом ты читаешь мне только что родившиеся строки. Такие моменты — одни из самых чудесных в нашей жизни.

Когда я спрашиваю, как тебе удается выплескивать на бумагу именно эти слова, иногда даже без малейших исправлений, ты не знаешь, что ответить. Ты пожимаешь плечами, и твое лицо говорит, что ты и сам толком не понимаешь этого. «Получается, и все». И добавляешь: «Ты знаешь, иногда бывает очень трудно».

Целыми часами ты куришь, раздраженно бросая в корзину скомканные листы. Литрами пьешь обжигающий чай. Терзаешь гитару в поисках новых аккордов. И опять замираешь, будто зачарованный белым светом лампы. Внезапно ты разражаешься бранью и смехом. Есть! Нашел!!! Иногда — одну-единственную строфу. Но на ней строятся, связываясь воедино, все остальные строфы.

И рано утром, когда заря окрашивает комнату и я, невыспавшаяся, открываю глаза, ты, торжествуя, читаешь мне свое ночное творение.

Подчас найти нужное слово помогает мелодия. Тогда мы не спим, потому что ты бесконечно повторяешь один и тот же мотив, яростно чеканишь слова до тех пор, пока они не сольются с мелодией и не станут песней...

* * *

Однажды вечером ты возвращаешься поздно. По тому, как ты хлопнул дверью, я чувствую, что ты возбужден. Ты скидываешь пальто, шапку и большими шагами подходишь ко мне, потрясая серой книжкой.

— Это уж слишком! Этот тип, этот француз все списал у меня! Чистой воды плагиат! На, взгляни — слова, ритм, это тебе ничего не напоминает? Этот негодяй хорошо изучил мои песни. Да и у переводчика наглости хватило.

Ты так быстро листаешь страницы, что мне не удается прочитать ни слова. Потом начинаешь бегать взад-вперед по квартире и декламировать строки, которые тебя возмутили больше всего. Я не могу сдержать хохота. Ты знаешь себе цену! Ведь тебя разозлил не кто иной, как наш великий поэт Артюр Рембо, родившийся почти на целый век раньше тебя. Ты краснеешь и весь остаток ночи проводишь за чтением его стихов.

* * *

В детстве ты занимался акробатикой. В юности много времени отдавал спорту — и в школе, и во ВГИКе. Ты очень одарен. В театре во время спектаклей ты творишь чудеса. В «Десяти днях, которые потрясли мир» тебе удается произносить реплики и одновременно совершать акробатические прыжки. В «Пугачеве» долгий и заставляющий содрогаться монолог Хлопуши ты выкрикиваешь, раскачиваясь на цепях. И каждый раз цепи оставляют на твоей белой коже длинные багровые полосы.

На пляже, куда мы ездим летом, публика аплодирует, когда ты делаешь «крокодила на одной лапе». Это очень сложная фигура, выполняя которую, ты в течение нескольких секунд удерживаешь тело параллельно земле, опираясь на одну руку. «Я упустил шанс стать большим спортсменом, я предпочел театр»,— сказал ты мне однажды.

Часто, подходя к висящему в ванной зеркалу, ты любуешься игрой своих мускулов. Ты невысок — метр семьдесят, но отлично сложен. Длинные стройные ноги, очень узкие бедра, слегка покатые плечи. Если бы не они, ты бы казался коренастым из-за свойственного русским мощного торса, коротких и круглых мускулов.

Перед каждым спектаклем ты делаешь так называемую «гимнастику актера». Она обязательна для всей труппы Таганки, так как спектакли Любимова требуют от актера, помимо таланта, хорошей физической подготовки. Гимнастика включает в себя серию упражнений для мускулатуры, голоса, дыхания, разработанную Станиславским и впоследствии дополненную элементами йоги и других восточных методов.

Для тебя эта гимнастика особенно необходима. Во время представления «Гамлета» ты теряешь от двух до трех килограммов. В «Жизни Галилея» — еще больше, ведь ты не покидаешь сцену в течение четырех часов, что длится спектакль. Благодаря этим упражнениям твой знаменитый голос, такой хриплый и надсадный во время пения, на сцене звучит сильно и ясно. Я не помню, чтобы голос у тебя хоть раз полностью пропал, что случается со многими актерами и приводит их в ужас.

* * *

Единственный поэт, портрет которого стоит на твоем столе, это Пушкин. Единственные книги, которые ты собираешь, это книги Пушкина. Единственные мысли, которые ты помнишь наизусть, это мысли Пушкина. Единственный памятник, к подножию которого ты возлагаешь цветы, это памятник Пушкину. Единственная посмертная маска, хранящаяся на твоем столе, это маска Пушкина.

Твоя последняя роль — Дон Гуан в «Каменном госте». Ты говоришь, что в одном Пушкине — все русское Возрождение. Тебе известна каждая деталь его жизни. Ты любишь людей, которые его любили, и ненавидишь тех, кто делал ему зло. Ты оплакиваешь его смерть, как будто он умер совсем недавно. Он эталон для тебя. Ты хотел бы обладать всеми его духовными и поэтическими качествами.

* * *

Ты участвуешь в концерте на празднике газеты «Юманите». На поляне перед огромной эстрадой, на которой ты будешь выступать, собрались 200 тысяч человек. Когда ты появляешься один со своей гитарой, толпа свистит — она ждет рок-группу, а вовсе не барда. Но ты начинаешь с настовой «Охоты на волков», и твой голос грохочет в динамиках.

Людское море начинает волноваться, все поворачиваются в твою сторону. И через несколько минут ты заканчиваешь свое короткое выступление в полной тишине, лишь изредка прерываемой далекими посторонними звуками. Под шквал аплодисментов ты приветствуешь публику. Потом подходишь ко мне и с гордой улыбкой говоришь:

— Я мог бы оставаться на сцене сколько угодно. Я их завоевал.

* * *

Все только и говорят, что о приезде во Францию известного тибетского буддиста. Я рассказываю тебе по телефону, что моим друзьям не терпится встретиться с ним. И обещаю, что, как только ты приедешь в Париж, он примет тебя.

Я добиваюсь приема. Вместе с нашим другом художником Мишей Шемякиным мы отправляемся к святому человеку. В комнате, увешанной красивыми картинами на религиозные сюжеты, на возвышении сидит маленький человек почтенного возраста. Его морщинистое доброжелательное лицо обращено к нам.

По совету друзей мы входим с поклонами. Хозяин знаком приглашает нас сесть возле себя. У его ног — молодая женщина, француженка, закутанная оранжевой тканью, какие носят буддийские монахини. Она переводит произнесенную старцем приветственную фразу. Затем интересуется, о чем мы хотели бы спросить его. Я объясняю, что вы не умеете контролировать себя, когда дело касается крепких напитков, и надеетесь на его помощь. Женщина переводит. После нескольких минут раздумья хозяин начинает притчу. Его рассказ переводится с тибетского на французский, а потом уже на русский.

«Юный монах проходил мимо дома вдовы, которая заманила его к себе и заперла.

— Я не выпущу тебя, пока ты не выполнишь одно из моих желаний: или проведешь со мной ночь, или выпьешь вина, или же убьешь мою козу,— сказала она ему.

Ошеломленный монах не знал, что ответить. Дав обет целомудрия, он не мог исполнить ее первое желание. Дав обет трезвости, не мог прикасаться к вину. И уж тем более не мог посягнуть на чью бы то ни было жизнь. Но надо было выбирать. И после долгого раздумья монах решил, что выпить вина — наименьший из грехов».

Здесь рассказчик лукаво улыбается, смотрит вам прямо в глаза и заканчивает: «Он выпил вина, потом согрешил с женщиной, а затем убил ее козу».

Какая простая и мудрая притча. Ваши взволнованные лица показывают, что она достигла цели.

Почти целый год после этого ты не прикасался к спиртному.

* * *

На мексиканском острове, где проходят съемки фильма с моим участием, мы живем в комнате, из окон которой открывается вид на море, на скалы, на пламенеющие закаты. Ты пишешь весь день, и, возвращаясь со съемок, я вижу, как ты сидишь, склонившись над листами бумаги, которыми завален стол.

Вечером за ужином рядом с нами — бородатый человек со взъерошенными седеющими волосами. Именно благодаря ему акулы, зацепленные маленьким крючком, плавают взад и вперед перед камерой, словно послушные актеры. Такая фамильярность в обращении с морскими чудовищами создала ему громкую славу по всей округе. Его, властелина морских глубин, прозвали Нептунио. Когда он слышит, как ты поешь, его добрые глаза затуманивает грусть. Нептунио сентиментален.

В воскресенье утром мы ждем его, чтобы осуществить первое погружение. Ты сгораешь от нетерпения открыть для себя морские глубины. И вот мы готовы. Ныряем. Бирюзовая на поверхности, вода по мере погружения становится все темнее и темнее, превращаясь в сине-зеленую и даже черную. Перед нами отвес скалы, вокруг — мириады разноцветных рыбешек. Длинные клейкие водоросли ласкают наши тела. Ты впереди, бесстрашный, уже освоившийся в водной стихии. Я вижу, как под маской ты улыбаешься. Жестом зовешь меня за собой и уплываешь к радужному коралловому рифу...

Эти несколько минут, проведенные под водой, обогатили твое восприятие мира. Теперь ты ныряешь каждый день. И вечером Нептунио смотрит на тебя с гордостью и нежностью. Ты его русский друг. Твой голос заставляет его плакать. Но, кроме того, отныне ты стал его сообщником, околдованный великолепием подводного мира.

* * *

Как-то вечером в 1978 году в Париже я смотрю передачу об охоте на волков с вертолета. Кадры, снятые в Сибири, запечатлели истребление волчьей стаи. Обезумевшие звери пытаются зарыться в снег. Поднимают ощерившиеся в мучительном оскале пасти вверх, к ревущим машинам, изливающим на них смерть. На снегу остаются кровавые следы. Почти никому не удается спастись в этой ужасной бойне.

По телефону я рассказываю тебе об этой немыслимой сцене. Ночью ты пишешь песню «Где вы, волки?», продолжение и в какой-то мере окончание «Охоты на волков». На следующий день ты читаешь мне ее потрясающий текст.

Вскоре меня приглашают на демонстрацию фильма Криса Маркера, в котором последние кадры — охота на волков с вертолета. Поразительное совпадение! Я рассказываю Крису о твоей песне. Он просит текст, и я диктую по телефону. Он переводит его и включает в свой прекрасный фильм.

* * *

Однажды тебя приглашают дать концерт космонавтам. Ты поешь ночью. У каждого из присутствующих — магнитофон, и ни слова из того, что ты говоришь, ни один аккорд твоей гитары не потеряны. По просьбе космонавтов ты исполняешь сатирические, военные, спортивные песни, потом — совсем новые, которые они еще не слышали...

Несколько месяцев спустя ты вихрем врываешься в дом. Весь в снегу, не сняв пальто и шапки, ты протягиваешь мне кассету. У тебя торжествующий вид — я понимаю, что это неспроста. Беру кассету. На ней большими буквами написано: «Высоцкий». Ты кричишь:

— Это с космического корабля! Долгие месяцы она была с ними на орбите! Понимаешь, они крутили мои песни там, наверху! Меня слышали звезды!

* * *

Приближается Новый год. Зима небывало суровая. Столбик термометра временами опускается до 50 градусов. Мы встречаем праздник в подмосковной деревне. Друзья, которые нас пригласили, целый год живут в красивой избе, окруженной березами. Как в волшебной сказке! Ждешь, что вот-вот по саду пройдет Снегурочка. Мороз сковал все кругом. Снег скрипит у нас под ногами. Небо бездонно-голубое. Ни дуновения, ни шороха.

Только пес Изюм время от времени выскакивает во двор, но тотчас же возвращается и сворачивается калачиком возле печки. Я никогда прежде не видела, чтобы собака чуть ли не с брезгливой гримасой отворачивала морду от предложенной кости. До такой степени объелся Изюм во время новогоднего ужина.

Мой сын Владимир засыпает на ковре в обнимку с собакой. В печи потрескивают поленья. Ты в ту ночь не смыкаешь глаз. Произносишь, как в бреду, отрывочные фразы, то и дело прерывая их долгим молчанием.

В твоих рассказах — Война. Потерянные дети, сироты, которые, как молодые изголодавшиеся волки, сбиваются в стаи и рыщут по разоренной стране. Война — женщины, на плечи которых легла вся тяжесть работы, обычно выполняемой мужчинами. Война — ленинградская блокада, месяцы ужаса и отчаянного мужества, когда жизнь вопреки всему продолжалась. Старые музыканты, окоченевшие и изголодавшиеся, все так же дают концерты, только теперь их музыка почти не слышна, настолько они ослабли. Война, оставившая миллионы людей с искалеченными душами и телами.

Как велик контраст между твоими рассказами и нашим теплым, приветливым домиком...

* * *

Рано утром 4 октября 1980 года звонит телефон. Я слышу в трубке приятный мужской голос, но ничего не могу разобрать. Только через каждые четыре слова слышу твое имя. Правда, звучит оно странно: «Висоцки Бладимир». Наконец я понимаю, что мой собеседник — японец и что он просит о встрече. «Хорошо, приходите в 15 часов».

Мой гость — элегантный молодой человек, взволнованный и очень смущенный. Он начинает свой рассказ. Я долго работала с японцами и поэтому могу понимать их английский, который для большинства людей почти недоступен.

— Я журналист. Несколько недель назад мне пришлось писать о параде мод в Токио. На пленке, которая должна была сопровождать выход манекенщиц, буквально надрывался мужской голос. Я никогда прежде не слышал такого голоса. Он потряс меня, заставил дрожать. Никогда я не испытывал подобного наслаждения, смешанного с безысходностью. Я был в шоке. Чтобы узнать имя певца, мне пришлось опросить множество людей. В конце концов мне сказали, что эта песня — с вышедшего в Париже диска и что исполняет ее советский певец.

Тогда я решил лететь в Париж. В магазине передо мной выложили все пластинки с русскими песнями, которые были в продаже. Дрожа от волнения, я стал просматривать их и вот увидел его лицо. Я знал, что это именно он: таким неистовым мог быть только его взгляд. И купил все пластинки, какие у них были. Потом я провел настоящее расследование, узнал, что его жена живет в пригороде Парижа, нашел вас. Вы позволите мне написать о Владимире Высоцком?

Все это он выпаливает на одном дыхании. Воцаряется тишина. Я поднимаю на него глаза, и тогда он добавляет:

— На следующий день после того парада мод я начал учить русский язык.

* * *

Метеорит, упавший посреди сибирской тайги после миллионов лет скитаний в космосе, на могиле Владимира Высоцкого должен был символизировать его яркую и такую короткую жизнь.

К сожалению, вышло по-иному. Но в 1985 году я узнала, что астрономы из Крымской обсерватории назвали новую планету, открытую между орбитами Марса и Юпитера, ВЛАДВЫСОЦКИЙ. В международный каталог планет она занесена под номером 2374.

Я часто смотрю на звезды и улыбаюсь при мысли, что там, в безбрежном океане Вселенной, блуждает не ведающая покоя светящаяся точка, навсегда связанная с твоим именем.

Перевод
Максима ЮСИНА.